

Г.С. Эрдели

Отрывочные воспоминания
разных лет

Воронеж 2012

Эрдели Г.С. Отрывочные воспоминания разных лет. – Воронеж: электронная версия, 2012. – 33 с.

Охраняется законом об авторском праве. Нарушение ограничений, накладываемых им на воспроизведение всей книги или любой ее части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Отрывочные воспоминания Галины Сергеевны Эрдели представляют собой фрагменты событий, оставившие след в ее душе, искренние и откровенные размышления автора.

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется»... Изреченные слова остаются в вечности, истинную их значимость оценят будущие поколения.

Время вернуть нельзя, но его можно остановить, а точнее, сохранить, запечатлев в слове, в образе, в фотографии и т.п. Все, кто оставляет после себя след в любом проявлении, тот сохраняет время для истории человечества. Благодаря этому все последующие поколения имеют возможность прикоснуться к самому ценному – «к святой святых» – тайне человеческой души...

Компьютерное и художественное оформление – Силкина Т.Б.

© Эрдели Г.С.

Сведения об авторе

Эрдели Галина Сергеевна родилась в Воронеже 22 декабря 1926 года, кандидат биологических наук, доцент, участница Великой Отечественной войны. В 1947 году окончила сельскохозяйственный техникум в ст. Славянской Краснодарского края, по специальности – агроном-плодоовощевод. В 1949 году поступила учиться на биолого-почвенный факультет ВГУ. После его окончания работала на Областной станции юннатов, а с 1958 года – в университете: садовником, лаборантом, преподавателем, доцентом кафедры физиологии и биохимии растений. Изучала действие регуляторов роста на растения, в том числе более 20 лет совместно с учёными университета г. Галле, Германия.

Издательством ВГУ выпущены воспоминания о военном времени: «Прошлое всегда рядом», о работе в университете: «Люди и растения в моей жизни», первое издание миниатюр: «Запахи земли», научно-популярные книги о растениях и другие.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Память – удивительное явление, неподвластное воле человека, она подчиняется каким-то неведомым законам. Какая-нибудь незначительная деталь в настоящем вдруг возвращает человека в далекое и давно забытое прошлое. Воспоминания как вспышки молнии неожиданно возникают в сознании и, если их не фиксировать, то они также неожиданно исчезают, растворяясь в пространстве.

Отрывочные воспоминания Галины Сергеевны Эрдели – фрагменты событий, оставившие след в ее душе. Искренние, откровенные воспоминания автора, на первый взгляд, казалось бы, такие малозначимые, на самом деле, очень существенны. В настоящем трудно оценить значимость того или иного события. Придет время, и воспоминания будут оценены будущими поколениями. Память, запечатленная в слове, – есть исторический вклад в копилку общечеловеческой цивилизации.

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...». Поистине, слова остаются в вечности, значимость каждого слова оценит далекое будущее.

Галина Сергеевна задает вопрос: «*Теперь иногда думаю – что останется, когда меня не будет?*» – Останется время, в котором жила Галина Сергеевна, и которое она смогла сохранить для будущих поколений... Останется частица ее души, которой она щедро делится со всеми...

Время вернуть нельзя, но его можно остановить, а точнее, сохранить, запечатлев в слове, в образе, в фотографии и т.п. Все, кто оставляет после себя след в любом проявлении – сохраняет время для истории человечества. Благодаря этому все последующие поколения имеют возможность прикоснуться к самому ценному – «к святым святым» – тайне человеческой души...

Татьяна Силкина

ЗНАНИЕ ВОЗРАСТА

Написать предисловие к тому, что будет не отпускать тебя до конца дней твоих... Прочитал с каким-то упоительным восторгом! Вроде бы ничего особенного. Но почему-то возвращаешься то к одной миниатюре, то к другой – страдает душа, плачет, радуется, познанием любви обогащается. Тайна не мастерства – «знания возраста». Есть такая золотая фраза у Галины Сергеевны.

Бабушка на ночь рассказывает внучке о Боге. И в 85, ставшая сама бабушкой, но с душою той далёкой внучки, осознаёт: «Он послал мне ангела». Непростая, тяжёлая жизнь, но какова глубина мудрости её понимания, благодарности за то, что именно так всё было!

Солдат Великой Отечественной, мойщица посуды, буфетчица, лаборантка – должна бы затереть во льдах суровая обыденность. Смиренная и восторженная она и посуду-то мыла с ощущением поэзии бытия. Мимолётное, давно прошедшее: о долгах, растрате, за что и под суд попасть можно, но ты читаешь это «стихотворение в прозе» и понимаешь – Эрдели было гораздо труднее, нежели Тургеневу. Так сложилась судьба хрупкой и ранимой женичины, ставшей известным учёным. В скупых фразах бездна чувств, мудрости, опыта, передать которые не успеть. Потому в штрихах о вещах, событиях каким-то немислимым мастерством даются образы времени, характеров. Читаешь и понимаешь, каким путём надо идти, чтобы хотя бы в малом стать вровень с тем, что взяла от жизни и отдала ей автор далеко не «старческого», а обыкновенного вечного, что будет идущих вслед учить и учить.

А что за прелесть знакомство с ежикой от Семаго, а каков урок от яблони «не позволяющей» сажать на том же месте, где она росла, новую яблоню, а роль «опоздавшего» на два часа приказа в судьбе Степана Батраченко, героя, под стать Николаю Островскому, окопы, по которым проложили водопроводные трубы...

Начинаю пересказывать, но зачем, когда лучше сказать не дано. Спасибо Галина Сергеевна, за слёзы и любовь, которыми омывается и очищается душа.

Как я жду дальнейшего продолжения пути с Вами! Пишите – время ещё есть.

Ваш Эдуард Ефремов

ОТРЫВОЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Если хорошенько в себе покопаться, под ворохом событий можно найти то давнее, что казалось давно забытым. Всё хранится в памяти и, независимо от наших желаний, делает нас опытнее, мудрее и, мне кажется – увеличивает доброту. Это неудивительно – дети могут быть жестокими по неведению, они ещё не понимают, что делают больно. Взрослые, сопереживая, вспоминают и свои беды.

Новое покрывалом ложится поверх того, что прошло. Но под укрытием бывшее накапливается, добавляясь к недавнему, и часто меняет представление, оценку событий, оценку людей. Чем дольше живёшь, тем больше знаешь, тем глубже понимаешь...

22 декабря 2011 г.

Как сказывается в нас то, давнее?..

Самые первые воспоминания

Во время войны всё имущество пропало. У кого-то чудом сохранился любительский снимок. Стою во дворе, кругом снег. И вспомнился человек с фотоаппаратом, и ещё – мне одели новые варежки, серые пуховые. Вспомнилось даже, как я была им рада, ощущение мягкости и теплоты...

На обороте снимка карандашом надпись – Галочке полтора года.

Вспоминается туманно – лежу в кроватке, мне года три-четыре. Бабушка перед сном рассказывает о Боге. Он послал мне ангела, мой ангел всегда со мной, он меня оберегает. Вечером надо ему сказать спасибо, а если нужна помощь – попросить.

Это осталось со мной на всю жизнь.

День в детском саду

Я росла домашним ребёнком, во многом предоставлена самой себе. Бабушка возилась на кухне, позже – занималась моим маленьким братом, а у меня был свой мир. Маленькие ослик, лошадки, куколки жили своей жизнью, я у них – автор и режиссёр. Зимой – на подоконнике, летом – во дворе. Соседняя улица – Правая суконовка, проходила рядом, под большим обрывом. Над ним наши окна и палисадничек. Я очень любила этот обрыв. Здесь, по верху, сделала маленькие пещерки, в них жили мои игрушки. Мне они были как товарищи, друзья. Была счастлива, и ничего другого не хотела. Но родители, когда родился брат, задумали отдать меня в детский сад: и я под присмотром, и бабушке легче.

Помню тёплый летний день. Дети, мои ровесники, дорожки, посыпанные песком, скамейки... Мне, привыкшей к свободе и независимости, показалось

очень трудным ограничение – здесь ходить можно, а здесь – нельзя. По воле воспитательницы играем, питаемся, спим...

Не знаю, смогла бы привыкнуть, но больше в детский сад идти не пришлось. Как раз в этот день у братишки началась скарлатина. Значит, мне запрещены контакты с другими детьми. Карантин по скарлатине долгий. А когда брат выздоровел, меня оставили дома – я была спокойным и послушным ребёнком, не доставляла много хлопот.

Так получилось, что в детском саду я провела только один день. Но помню его и сейчас.

Впервые...

Это позже, мне, наверное, лет восемь. Тёплый день, и мне разрешили выйти во двор погулять без пальто. На мне что-то трикотажное – облегает и не стесняет движений. Какое это счастье, когда можно бегать, прыгать, и ничто не мешает! И воздух кажется каким-то особенным!..

Запомнилось навсегда. К сожалению, такого же чувства больше не повторилось. Когда после зимы выхожу из дома первый раз без пальто, что-то похожее есть и сейчас, но это не совсем то, как тогда, *впервые в жизни...*

«Только – Наташа»

Когда моему брату исполнилось года три-четыре, бабушке стало трудно, и знакомые привезли из деревни, откуда-то из глубинки, девушку лет семнадцати ей в помощь – Наташу. Маленькая, тонкая, с круглым лицом и большими серозелёными глазами, в юбке из панёвы – домотканого материала. Говорила поначалу очень неправильно. Но жизнерадостная, умненькая девочка, всегда доброжелательная, быстро освоилась, научилась говорить. Не давалось ей только одно слово – форточка. «Ну, скажи Ф-Ф». Это повторить может, но слово форточка так и осталось: хворточка, навсегда.

Все её очень полюбили, я тоже. Я на шесть лет старше брата, в то время увлекалась Гайдаром, и мне очень хотелось называть её по имени одной из героинь – Натка. Родители не разрешили: только – Наташа! Говорю – вырасту, свою дочку буду звать Натка.

Наташа прожила у нас года три, ходила в вечернюю школу, познакомилась с парнем, вышла замуж. Она стала для нас, как родная, много лет часто приходила, после войны, уже у меня родилась дочка...

Я, как тогда хотела, назвала – Наташа, но Натки не получилось, никогда её так не называли.

Не по статусу

В нашей семье не разделяли людей на классы, по статусу.

Папа вырос в семье потомственных деревенских священников (дедушка стал архиереем в тридцатые годы), значит, среди, так называемых, *простых* людей.

Во время войны получила и собственный опыт. Моя армейская жизнь началась в 16 лет. Месяца два в роте дорожников ремонтировала дороги, регулировщицей стала позже. Одна девчонка среди уже не молодых бойцов, бывших колхозников. В те годы ещё не все были грамотными, плохо читали и писали, неправильно говорили. Словом, другой мир... Но уже тогда поняла, что всё это не главное, не имеет значения. Среди бойцов были с ленцой, но большинство умело, добросовестно трудились. Неправильная речь, но правильные, умные мысли, поступки... И все относились ко мне очень по-доброму, заботливо, старались облегчить тяжёлую работу и не обидеть. Человечно.

Фото 1. На фронте

Многому я у них тогда научилась...

Вспоминая войну...

Сегодня 23 февраля, неудивительно, что вспоминаем войну. Что помнится?

Морозная снежная зима сорок третьего года – первая освобождённая земля – станция Русский брод Орловской области, февраль.

Помню под ногами россыпь патронов от немецких винтовок, на краю дороги мёртвый немец в синей шинели. Лежит вытянувшись, как видно, уже не первый день – припорошен снегом.

«Пленных немцев видели?». Сразу в памяти широкая бесконечная лента пленных, проходивших по центру Москвы – тысячи тысяч. Впереди генералы, с орденами, за ними офицеры, рядовые, – немцы, итальянцы, венгры. А после всех, сразу за ними – поливальные машины смывают с дороги пыль вражеских сапог... Да, не так мечтали они пройти по Москве!

Но это было позже, по телевизору. А тогда, в Русском бросе, около дома стояли три-четыре, точно не помню, – немецких солдат. Мороз, а на них тонкая шинель. Поверх пилотки женский платок, повязан впереди, сапоги в валенках из соломы... Запомнились глаза, их выражение: не боязнь, не вражда, только – какое-то тупое недоумение.

Было ли их жалко? Пожалуй, – нет. Но не было и неприязни, скорее – любопытство, это были первые виденные мною пленные враги (и последние). Вспоминаю показ по телевидению – когда пленных проводили по Москве, народ толпами стоял на всём их пути. Молча. Здесь тоже, пожалуй, больше было вопроса.

Тогда у меня сильнее осталось впечатление от мёртвого немца. Наверное, таинство смерти вызывает больше мыслей и чувств. Безднадёжность. «Человек рождён для лучшего» – говорил горьковский герой. Лежит на дороге неизвест-

ный, теперь никому не нужный, замечает его снег... Кто он?.. Радовался, когда шёл воевать, или огорчился?

И ещё помню – офицерские землянки. Двухэтажные кровати, матрацы, плетённые из соломы, а на столиках – светильники из пресс-папье.

Фронт долго стоял на одном месте – успели вырыть землянки, сплести из соломы сапоги, матрацы. Больше никогда такого не видела. Да, кажется, и не читала (про плетёные соломенные сапоги). Светильники из картона запомнились – были для нас необычными. Много позже поняла: в подготовке к войне старались улучшить полевой быт, сделать его более удобным, но считали, что война долго не продлится. Собирались закончить к осени – блиц-криг! Потому о светильниках позаботились, а о тёплой одежде – нет, считали, что не понадобится.

Память войны

Весна 1949 года, я – садовник ботанического сада Воронежского государственного университета.

Наш сад разделяет на две половины широкий овраг. По низу оврага весной и в начале лета протекает ручей: удобное место для смородины. Смородина любит расти по берегам рек. Мы с Николаем Петровичем взяли за расчистку места для посадки.

Земля здесь всегда влажная, потому за военные годы густо заросла терновником, высокой травой – настоящие дебри!.. А под ними оказалась Память войны – останки людей. Серые от времени кости рук, ног, черепа. Тогда, вскоре после войны, это не казалось очень страшным. Но потрясло, когда в зубах одного черепа оказалась пломба...

В кости, вымытой дождями, увиделся человек. Его давно нет. Когда-то жил, чему-то радовался, у него болели зубы... Может, и сейчас его ещё ждут.

Здесь шли очень сильные бои, земля не раз переходила к врагам и вновь становилась нашей. Кто он? Наш, или враг? Теперь не узнать.

Собрали мы разрозненные останки, и подзахоронили к общей могиле сотрудников сада, погибших от бомбёжки в начале войны. Бомба тогда попала в бомбоубежище, там собрались взрослые и дети. Погибли все.

Земля сада – место историческое: отсюда, от этого оврага, погнали мы фашистов на Запад. Очень надеюсь – когда-нибудь здесь, в ложбине поставят памятный знак. Пусть не монумент, не памятник, просто – памятный знак. И всегда наши внуки, правнуки будут помнить, – огромной ценой отвоевали мы Победу и свободную жизнь.

Пиршество

Тысяча девятьсот сорок шестой год. Учусь в техникуме станицы Славянской. Прохожу практику по овощеводству, но по просьбе мамы поехала на несколько дней к родителям в Брянскую область. И – застряла там – нет денег на

обратный путь. Нет денег и на жизнь. Хорошо, что лето, рядом большой лес, в нём много земляники.

Мы с мамой рано утром выходим с корзиночками. С нами четвертинка молока. Собираем по стакану ягод, поливаем молоком – это наш завтрак и обед. Смеёмся, что едим не молоко с ягодами, а ягоду с молоком.

Ягод много – урожайный год. На следующее утро брат забирает корзинку, едет на местном поезде в районный центр – Дятьково. На рынке продаёт наш сбор, покупает картошку. Дома картошку тщательно промываем, полученную на мелкой тёрке массу опускаем в кипяток. Получается более-менее (в зависимости от количества массы) густой кисель. Сверху можно полить молоком.

В то утро мы с мамой устроили пиршество. Получили месячный паёк, в нём сливочное масло и печенье. Каждому по два печенья Юбилейный и кусочек сливочного масла. Мы взяли с собой всё.

Первый привал. Расстелили салфетку, развернули наше богатство. Свежая земляника с молоком, хорошее печенье со сливочным маслом – очень вкусно! Только так мало... Едим и удивляемся – почему до войны никогда не ели печенье с маслом? Когда опять станет можно свободно всё покупать, будем всегда есть печенье со сливочным маслом...

Прошли годы... Давно можно покупать что и сколько хочешь. Но печенье со сливочным маслом ем только иногда.

Как память о прошедшем...

Ветер Кубани

На Кубани летом жара, и всегда ветер. Хорошо запомнилось – идёшь по дороге, далеко вокруг жёлтая степь: солнце высушило травы. Видно, как с земли поднимается тёплый воздух, – марево. Ветер сильный, жаркий, но – приятный, – освежает. И хочется вот так идти, и идти, вместе с ветром.

Далеко, где-то впереди – счастье...

В заводской столовой

Мойщица посуды

Наконец-то сбылась моя мечта – вернулась в родной город. Но обещанное место агронома на Левом берегу занято. Предложили работу кассира-калькулятора в заводской столовой. Правда, и оно свободно только через неделю. Зачислят сейчас, а пока надо поработать в этой столовой мойщицей посуды.

Обеденный перерыв – жаркое время, многие хотят подкрепиться. Стою около окошка раздаточной, смываю под струёй остатки пищи. Подаю чистые тарелки повару. И вижу в окошко изумлённое лицо: сотрудник Управления, немного знакомый, – неприятно поражён моим занятием.

Впервые поняла, что такое *статус*. И пожалела сотрудника. Для меня статуса никогда не существовало. Оцениваю людей по отношению к делу, людям. А работа всякая почётна, если исполнять добросовестно.

Всё возвращается на круги своя. Так получилось, что первая деятельность в послевоенном Воронеже, – мойщица посуды. Сейчас тоже мое главное дело – помыть тарелки, да ещё – почистить картошку. Этим впервые я занималась в армии (рассказывала раньше). Отличие в том, что теперь всё делаю «добровольно» – обязанности нет: возраст позволяет (мне 85 лет), домашние – тоже.

Кассир-калькулятор

Я – кассир-калькулятор. Рабочий день начинается в 7 часов утра. Я прихожу на несколько минут раньше, выпиваю стакан горячего киселя, сажусь за свой столик. Он стоит с правой стороны большой комнаты, в углу. Рядом буфетная стойка.

От входа налево окошки с раздачей питания, правее – столы, где проходит насыщение. Выбирают блюда посетители, грязную посуду собирают и уносят официантки.

Кассового аппарата нет. На полученные деньги выдаю талоны с номерами, они обозначают блюдо. Об этом заранее договариваемся с поварами, ежедневно меняем обозначения. После завтрака посетителей за столы садимся мы (фото 2) – официантки, мойщицы посуды, буфетчица – человек шесть. Повара завтракают у себя на кухне. У нас высчитывают из зарплаты определённую сумму за питание.

После завтрака мы с главным поваром составляем меню. Меню предлагает повар, учитывая наличие продуктов в кладовой директора столовой. А я делаю расчёт стоимости блюд, исходя из цены на продукты, наценка, насколько помню, 15 %.

Дальше – у рабочих обеденный перерыв, в столовой время жаркое – народа много. Работники бухгалтерии приходят потом. Время их перерыва позже. Мне нравились две женщины – красивые, ухоженные. Иногда оставляла для них талончики на мясные блюда, таких было немного. В основном – макароны, вермишель, немного жареной картошки. Они удивлялись, что ещё есть мясное, радовались, мне это было приятно.

Фото 2. Наш обеденный перерыв. Вверху стоят слева направо: Клава, Катя – официантки, я – кассир-калькулятор. Внизу: Варя – буфетчица, Таня – мойщица посуды. 8 марта 1948 г.

После обеда ехала в центр, отвозила деньги в бухгалтерию Управления. Так безмятежно проходили дни. После моего голодного времени я отдохнула, поправилась. И всё бы хорошо, но сама затянула себя в кабалу.

Недостача

На заводе много работало выпускников школ ФЗО (фабрично-заводское обучение), мальчишек-подростков. Жили они в общежитии, зарабатывали мало. К тому же зарплату часто задерживали, помощи ниоткуда не было. А питались в основном, в столовой. Сама недавно жила впроголодь, потому трудно было устоять, когда некоторые ребята просили дать талончики в долг.

Когда деньги получали, большинство долг отдавало. Иные просили ещё подождать. Так понемногу, день за днём, накапливалась сумма, на погашение которой моей зарплате не хватало – копился уже *мой* долг. Лента бумаги с фамилиями должников становилась всё длиннее. А тут ещё столовую закрыли на ремонт, буфетчица ушла в отпуск, мне передали буфет. Правда, сама согласилась, но у меня не было выхода – чем-то надо жить.

В буфете основные продукты тогда – хлеб и водка. Хлеб нарезала кусочками, по весу. С тех пор понимаю, когда продавец недовешивает: знаю по себе – если даже очень точно взвешивать, будет недостача.

Водку продавали в буфете на разлив, стаканами. Я старалась добросовестно наливать мензуркой. Стакан меньше, часть проливалась. Даже те, кто покупал водку, предостерегали: им было жаль того, что выливается зря. Но мне казалось – нужно делать по совести. Так за время работы в буфете мой долг намного увеличился.

Прислали мне родители тысячу рублей, но к тому времени этого было мало. Словом, подошло время ревизии. Как и ожидалось, недостача обнаружилась...

Не буду описывать, как изменилось ко мне отношение окружающих – недостача – криминал. Хорошо, что внимательно отнеслись сотрудники КГБ и ребята-фезеушники. Я позже узнала, что представитель органа безопасности беседовал со многими. Ребята ему рассказали про долги, что часть из них сбежала, не выплатив долг. Поддержал и райком партии, хотя я тогда была ещё только кандидатом... Скоро сказка сказывается... К этому времени мои родные перебрались, наконец, в Воронеж.

Беседа с генералом

Через некоторое время меня вызвали в *серый дом*. Вижу, сидят в ожидании двое моих ребят. Их вскоре отпустили, а я жду, когда вызовут.

Уже поздно вечером, видно, когда у него были решены неотложные дела, пригласили к генералу. Сажу напротив, смотрим друг на друга. Я почему-то не боялась. Он мне понравился: лицо немолодого человека, доброе, усталое... Молчим. Наконец, он говорит: «Я хотел на вас посмотреть. В первый раз вижу человека, у которого недостача не потому, что взял себе, хотел разбогатеть. По-

чему вы занялись самодеятельностью? Почему не обратились в райком? Так было бы больше пользы и для ребят, и для вас.

Под суд мы вас не отдадим, но долг надо выплатить, хотя бы частично, до той суммы, что позволяет остаток высчитывать из зарплаты».

Денег у меня не было. Но и тут пришла помощь – по договорённости в бухгалтерии дали ссуду одному из знакомых рабочих для оплаты этого долга. Хороший паренёк не побоялся, потом года два выплачивала ему долг по частям.

Так я получила хороший урок жизни. Зато узнала добрых людей, цену отношений. Для ребят мои беды оказались полезными – райком партии, Управление, в ведении которого была столовая, занялись их бытом. Помогли.

Дорогой подарок

Квартиру родители, когда приехали в Воронеж, сняли далеко, на другом конце города. Когда я возвращалась домой после встречи с генералом, стояла уже глубокая ночь. И меня не отпустили одну, пошёл до дома провожать сотрудник.

Надо ли говорить, как волновались родители, ожидая меня? Это как раз был день моего рождения, и дома ожидал подарок: пачка печенья. Самый дорогой подарок в моей жизни...

Вспоминаю, в эти дни – врач нашей санчасти спросила: «Вас сильно ругали дома?». «Нет, совсем не ругали». «Ангелы! Ваши родители – ангелы!» (фото 3). Да, моим родителям досталась я тяжело. Но доктор была права – они ангелы: с их стороны, и от брата, никогда не слышала ни слова упрёка, хотя за мой долг все расплачивались несколько лет.

Фото 3. Мои родители – ангелы

Прошло много, много времени... Показалось, на минуту вернулось прошлое – я получила подарок... Не в день рождения, просто так. Не пачку печенья – стаканчик мороженого. Но мне вспомнился тот прошедший день рождения. В этом подарке было такое же желание порадовать, как тогда... Теперь в моей жизни стало два подарка, которые будут для меня самыми дорогими всю оставшуюся жизнь...

Время не вернуть

После столовой несколько месяцев я – секретарь незрячего преподавателя истории в педагогическом институте – Степана Иосифовича Батраченко. Числюсь преподавателем. Половину ставки оплачивает институт, половину – семья. Я читаю вслух книги, тексты, отвожу его в институт. Наслаждаюсь общением с

прекрасными людьми, литературой. У него двое детей, младшей Наташе – три года, сыну – Виктору, немного больше. Жена – Лидия – поженились после его ранения.

Зрение Степана Иосифовича потеряно в войне с финнами. Танкист. Осколок снаряда попал в смотровую щель. Один глаз потерял сразу, борьба за другой окончилась поражением. Ранения могло не быть. Приказ о его направлении в штаб подписан предыдущим вечером. Штабной работник отправил приказ в часть на следующее утро. Получили через два часа после ранения.

Как часто в нашей жизни звучит: *«Если бы...»*. *Только время не вернуть...*

В ботаническом саду

Память земли

В ботаническом саду перед войной были заложены приблизительно в одно время два плодовых сада. Оба сильно пострадали. В том саду, что около теплицы, сохранилось больше деревьев. Потому решили провести «ремонт» – на выпавшие места посадить новые деревца. Сказано – сделано. Только ничего хорошего не получилось – не стали там расти наши посадки. Они не погибли, принялись, только прирост не давали. Пришлось выкорчевать, занять место другими растениями.

Через несколько лет науке стало известно: земля хранит память о растущих яблонях лет 15, и не позволяет на этом месте сажать новые. Корни яблони выделяют вещества, называемые *колины*. Они ядовиты для новых яблонь.

Как много неизвестного для нас хранит в себе земля...

Война – Миру

Растениям нужно много воды, а водопровода в ботаническом саду нет. Воду для полива возят бочками из маленького пруда. Нужно проложить водопровод, но это очень трудоёмко и потому – дорого. Помогла память войны.

От ботанического сада до Парка культуры и отдыха по верхней части холмов тянется цепочка – остатки бывших окопов. Когда-то, в войну, они помогали бойцам сохранять жизнь. А теперь послужили Миру – окопы расчистили и проложили по ним водопроводные трубы. По трубам пошла вода в сад.

Так война послужила миру.

В часы пик

Стиснутая людьми девушка в переполненном автобусе чувствует чужую руку около наружного кармана пальто и вспоминает: там лежит *трёхрублёвая* бумажка. Девушка в испуге тянет руку в карман, но в тесноте (в час пик) забралась в чужой карман...

Крепко держат бумажку две руки – мужская и женская. Два встречных взгляда, глаза в глаза, требовательны и упорны.

Через две остановки одна рука разжалась, мужские губы с презрением и ненавистью вытолкнули – «Тьфу!», женские скривились презрительно и победно!

Мужчина на остановке вышел. Девушка разжала руку... на ладони синели свернутые трубочкой *пять рублей!*

Этот случай произошёл с одной из сотрудниц нашего ботанического сада.

Жизнь заставила...

Первые послевоенные годы, с продуктами ещё нелегко. В ботаническом саду живёт несколько семей рабочих, и воюет с кошками.

Множество бездомных голодных котов и кошечек всех мастей одолевают подвалы, забираются и в квартиры, стоит только на несколько минут оставить съестное без присмотра. Самый главный воришка – большой пушистый кот. Трёхцветный, что для котов – редкость, обычно трёхцветными бывают кошки. На белом фоне ярко выделяются рыжие и чёрные пятна. От набегов этого кота жители страдали больше всего. Наконец, порешили: попадётся, – убьём. Жалко мне стало кота, попросила, когда поймают, отдать мне, возьму домой.

Как ни удачлив был кот, всё же попался. Взяла на руки. Кот не вырывался – обречённо зажмурил глаза, прижал уши, хвост спрятал под себя... В пустой комнатке положила еду, сразу стал есть. Несмотря на воровство, очень худой, невесомый, только пушистая шерсть придавала объём.

После работы отправились домой. Весь путь до трамвайной остановки (с километр), тихо сидел на руках. В трамвае лежал на коленях, свернувшись клубком, закрыв глаза. Дома спокойно перенёс водные процедуры. Несколько дней спал, с перерывом на еду. Выходил по своим надобностям через форточку, сразу же возвращался домой. Радовал нас спокойный, ласковый кот, и нельзя было поверить, что это бывшая гроза подвалов, – никогда не «заглядывал» на столы, в другие неположенные места. Другая жизнь, другие нравы...

Помните песенку: «Только от жизни собачьей собака бывает кусачей...»

А у нас, людей, иначе?..

Мягкие иголки

Вместе с трёхцветным котом вспомнились мягкие иголки ежа.

Леонид Семаго подарил казахстанскую ежиху Машку. Она уже год жила у него дома и стала ручной.

У казахстанских ежей больше ушки, но сами меньше наших, из средней России. Ежи выходят на охоту по ночам. С наступлением темноты, когда мы ложились спать, Маша начинала бегать по комнатам. Её путь пролегал мимо нашей кровати, как раз около головы мужа. Быстро-быстро делает она пробежку от стены до стены, туда и обратно. И хотя казахстанские

ежи топают слабее российских, всё-таки спать мешала. Я вставала, чтобы поймать и посадить на ночь в клетку. Зову, протягиваю руку с лакомством. Маша останавливается недалеко от меня, вытягивает мордочку, тянет носом. Если в руке кусочек варёного мяса, подходит за угощением. Если нос не улавливает ничего вкусного, поворачивается, и опять пойдёт выписывать восьмёрки! Поймать её невозможно.

Несмотря на это, все Машу любили, особенно младший мой сын – Серёжа, ему десять лет (фото 4). И она его отличала. Садится он читать, берёт книгу и Машу. Это надо было видеть – Маша ложится на его колених, распластавшись, становится плоской, как камбала. Ножки во все стороны, глаза закрыты от удовольствия. Серёжа ласково перебирает её шкурку. Иголочки мягкие, совсем не колючие... Так проходит некоторое время, Маше надо пойти погулять. Она подбирается, вновь становится похожей на шарик, тычет носиком в Серёжину руку – просит, чтобы спустил на пол. Если он её сразу не слушает, начинает пальцы слегка покусывать. Но никогда не делала больно. Иголочки становились опять колючими, не прикоснёшься.

Фото 4. Мой младший сын Серёжа

Так ласка делает мягкими даже колючие иголочки ежа.

Из услышанного в транспорте

В трамвае едут отец с маленьким, лет пяти, сыном. Он что-то ему говорит, тот не слушается. «Я тебе сколько раз говорю, почему ты не слушаешься?». «А тебе мама сколько раз говорила – не писай в раковину, а ты почему не слушаешься?».

Мальчик лет пяти-шести разговаривает со своей матерью: «Когда я был совсем маленький, все люди тоже были маленькие. Все-все. И папа, и мама... Потом стали расти. Сначала вырос папа, потом – мама...».

Вскоре после замены денег в 1960 году. Девочка спрашивает у матери: «Мам, а сколько лет нашей бабушке?». «Шестьдесят пять». «Это по-новому, или по-старому?».

Сын знакомой забыл, как зовут, помнит, что страшный зверь: «Тигр Толстой».

Старая женщина из деревни, в поезде. «Неинтересно стало жить, скушно. Бывало, по вечерам на посиделки соберёмся, кто прясть, кто латать, – песни запоём, весело так бывало – смех, шутки... А теперь прясть ни к чему, чинить тоже. Никто не чинит. Носки прохудились, платье изорвалось, – одна дорога –

выбросить. Делать нечего, только телевизор и смотришь по вечерам... Скушно стало жить...».

Мерно покачивается вагон местного поезда. Лицо скрыто в тени, на столике высвечиваются старые натруженные руки...

Быть готовым

В последнее время от некоторых молодых людей слышишь, что, дескать, если будет война, то все, и он в том числе, покажет себя доблестно. Ну, а пока можно и понежиться...

И можно верить, что такое желание будет. Но будут ли силы? Уж очень не привыкли такие люди к трудностям, боятся их. Во время войны не все девушки выдерживали солдатские условия жизни...

Смотреть и удивляться

Перечитывая классику в зрелом возрасте, мы находим новые для нас мысли и чувства, те, что раньше оставались незамеченными, это известно.

Также и в природе, окружающих нас людях, своём деле, всей жизни, – можно и обязательно нужно открывать *новое*. То, что раньше оставалось незамеченным, находить, удивляясь, и, всматриваясь, – удивляться. Только пока есть интерес и удивление, эти два неразрывно связанные (качества, свойства, – как сказать?), только до тех пор человек, как личность, растёт. Потом начинается окостенение, гибель.

Удивляться произведениям классиков легче. Их наблюдения переработаны и оставлены для нас. А в жизни – труднее, надо выбирать самим из привычного, того, по которому глаз привык скользить, не замечая.

Сквозь сито времени и расстояний до нас доходит только лучшее (или особенное), и это всегда нужно помнить. Для того, чтобы судить, нужно хорошо знать обстановку того времени. И той страны. Иначе легко ошибиться.

Мне кажется, – во всём, что живо, есть красота. Она не только в прелести лепестков цветка, его аромате, в яркой сочности весенней листвы, гордой осанке лебедя и нервности скаковой лошади. Во всём, что живёт, вижу особую красоту. Она есть и у чертополоха, гусеницы, паука и осьминога. Это особая красота живого. В живом есть гармония, пластика, цельность. Не всё из живого полезно (нам). Некоторое приходится уничтожать. Но это трудно.

Так и книги. Есть книги, которые следовало бы сжечь. Мне кажется, что-то похожее должны испытывать филологи, историки, при уничтожении книги. Не все они содержат полезные мысли. Но в книге, даже вредной, есть творчество, что-то цельное.

Наверное, так видят мысль, творчество, гуманитарии, – в книге, механики – в машине, математики – в уравнениях, химики – в реакциях...

Церковь. Когда видишь издали белую, с позолоченным крестом, высокую церковь, окружённую низенькими домишками села, понимаешь, почему люди верят в Бога и ходят в церковь. Эта вера – как мечта о прекрасном, стремление к возвышенному, чистому, – тому, что живёт в каждом человеке, даже самом сухом и чёрством с виду.

На фронте мне подарили книжку – письма Пушкина к своей жене. Запомнилось одно – Люблю тебя, мой ангел. Но ещё больше люблю твою душу...

Нас радует красота бабочки, цветка, пейзажа за окном... Несравненно больше радость, когда видишь душу человека. Красота человеческой души – это та красота, которая, – по Достоевскому, – спасёт мир.

Красота человеческой души не всегда лежит на поверхности, и она может быть «припорошена», «разбавлена» – бытом, условиями жизни... Когда её разглядишь, понимаешь, – это лучшее, что может дать жизнь.

Объединяют людей родственные связи, работа, специальность, круг общения, интересы бытовые или общественные... Самое важное мне кажется объединение по *пониманию*. Оно может быть независимым, ни от образования, ни от чего другого.

Понимание – это *родство душ*.

Когда ты тоже можешь уйти от всех неприятностей, если бросишься на траву, раскинешь руки и будешь смотреть на плывущие облака, или любишь тонкой полоской уходящего месяца на предзакатном небе, на последние деньги купишь не хлеб, а книжку хороших стихов, значит, есть – *душевная близость*.

Чувство собственности. Некоторые «любители природы» собирают коллекции бабочек, сажают птиц в клетки... Не понимаю. Разве можно сравнить бабочку в полёте, или засушенную, под стеклом, после её мученической смерти на иголке. Или соловьиные песни на солнечном восходе, среди майской, пахучей листвы, и в маленькой клетке?

Человеком тоже можно любоваться, наблюдая со стороны.

Мне кажется, два известных покорителя женских сердец существенно отличались. Дон Жуан каждый раз влюблялся, поклонялся своей любви, обожествлял её. Добившись цели, быстро разочаровывался, охладевал.

Для Казановы женщина всегда была лишь желанной добычей. Никогда – любимой.

«Ну, тогда я – Дон Жуан!».

Каждый человек многогранен. И как бы светится изнутри. Но лишь великие люди светят издали, самой яркой гранью: Пушкин, Лермонтов, Глинка, Ломоносов, Ньютон... Остальные грани или нами позабыты, или неизвестны. Очень немного мы знаем про этих людей от их современников, с которыми талант встречался какой-то одной гранью. Потому мнение этих людей может быть противоречиво. Мнение зависит от того, какой гранью они соприкасались. Чтобы, столкнувшись, разглядеть и другие, – нужен своего рода талант. Кроме того, грани человека – живые, они подвижны...

Младенец имеет ещё зачатки граней, и какие грани образуются, во многом зависит от того, кто рядом, от «ювелира». С возрастом грани шлифует жизнь. Взаимоотношения людей определяются тем, какой гранью они повернуты друг к другу, соприкасаются. Острота граней, их твёрдость, у людей разная. Потому, когда соприкасаются даже не совсем одинаковыми гранями, люди «притираются» друг к другу. Острые края граней могут стираться, появляются новые.

Мы привыкаем к видению в живых существах, окружающих нас, какое-то качество, которое для нас в этом может быть основным. И вдруг, при новом взгляде, изменении обстановки, мы замечаем и другое качество, иную грань, которая, объективно, и является главным, сутью предмета, существа...

Одного и того же человека любят мать, жена, или другая женщина. Для матери – в нём всё, для женщины другое может быть. Выходит, важно не то, за что этот человек заслуживает любви, дело – в любящем.

Счастлив тот, кто любит. Но, может, просто нужно быть уверенным, что тебя тоже любят? Мать – уверена.

Артур Конан-Дойль, в одном из своих рассказов говорит, что англичанин хорошо знает Европу, и не имеет представления о том, что под боком. Думаю, в известной степени то же можно сказать о близких людях. Постоянно общаясь, касаешься какой-то одной гранью и не замечаешь, что существуют остальные, более интересные и значительные.

Об этом нужно помнить всем. В том числе и старшим, и поворачиваться в семье к близким интересной стороной.

Слова помогают людям понимать друг друга только в обиходе. За одним и тем же словом может скрываться самый разный смысл, а не только оттенки, нюансы. Там, где речь идёт о более глубоких понятиях, они скорее мешают. Так, для одного человека *любовь* – адажио из Лебединого озера, для другого – Кармен, для кого-то – ландыши. Или буги-вуги...

И каждый полагает, что и для всех так.

Подобное положение и в науке. Может, потому так полезны в физике, и в других науках – *определения*. Я всегда восставала против них. Наверное, потому, что они мне плохо даются, запоминаются.

Объяснять взаимоотношения людей, если не вредно, то – бесполезно, – ведь всё подвижно. Всё – на данный момент, в данной ситуации...

Непонимание, наверное, бывает двояким – по мысли, разуму, и чувствам. Если первое – его можно объяснить словами и другой поймёт. А если по чувствам, слова бесполезны. Нельзя человека заставить чувствовать так же, если он на это не способен. И слова тут не помогут – ведь у одного и того слова столько оттенков! И они – оттенки – зависят от чувства, наверное?

Воспитывая, нужно действовать на чувства, через чувство – на разум. Если обращаться только к разуму, это непрочно.

При забеге большого количества людей, от старта все начинают бежать одинаково, но потом превращаются в цепочку. На заре человечества все люди мало отличались друг от друга. А сейчас! От безграмотного нищего до академика!

Когда из жизни уходит человек, – для знакомых это может восприниматься, как бы он и жив, но просто не встречается. При редких встречах для знакомых уход почти неощутим. Иначе для родных...

Мне не страшно умирать, может, потому, что очень люблю жизнь, и ощущаю её и душой, и телом. И цветы, листья, ветви деревьев, и люди, дома, книги, всё это как подарок, всем люблю и наслаждаюсь. Не говорю о детях. Это особо. Может, потому и не боюсь смерти, но жаль ребят.

Снег идёт и прикроет белым, чистым покровом всю неразбериху, грязь, беспорядки на земле. Часто в литературе это употребляют, как значение того, что со временем всё утихнет, станет на место, успокоится, залечатся раны. Мне кажется, это неточно. Снег идёт, делает всё чистым, незапятнанным. Но под снегом, на дне души, в её глубине всё сохраняется, только отодвигается и как бы замораживается. При таянии, изменении условий вся боль всколыхнётся. Но так сильна жизнь, так сильно желание счастья, радости, что хвала и снегу, если нет сил привести в желаемое состояние всё в себе, и в окружающем. Хоть это и покров, но – и реальность же – снег! Довольствуйся, если нет большего (и не может быть), бери в этом силу.

Короткие мысли

Робкие снежинки первого снега деловито спешили на землю.

Дикие звери – не значит, – злые. Может быть, скорее – пугливые и недоверчивые. Странно, что приходится понимать это на пятом десятке....

Всё живёт зачем-то: рожь, чтобы хлебом накормить человека, травы – чтобы мог он дышать. Ну, а человек? Ведь иной, – хуже сорной травы...

Чем дольше мы живём, тем больше любим жизнь. И ценим журавля полёт, осеннюю листву, запах газетных строк, аромат мыслей, и с нетерпением любимых ждём. И сердце вдаль зовёт...

Есть румынская пословица, говорят, она звучит, примерно, так: «Природа только тогда хороша, гармонична, когда к ней прикоснулась рука и душа чело-

века. Человек облагораживает природу». Это хорошо, но как часто человек приносит зло и разрушение...

Дорого не *сколько* лет прожить, а – *как*. Ведь иной младенцем остаётся и под старость. А иной мудрец в семнадцать лет. Тот, кто, узнав беды, не замыкается в себе, а старается помочь другим, – тоже мудр.

Говорят, что ни один человек не стоит того, чтобы из-за него *убиваться*. Но чего тогда стоит жизнь?

Не знаю, чьи стихи, но очень хороши: «Жаль мужества, погибшего на поле боя. И сердца жаль, коли не бьётся для него другое».

Подлинная оценка событиям часто, а, может, и всегда, приходит со временем. В тот момент, когда это случается, мы не замечаем ни подлинной красоты, ни тяжести происходящего, окружающего нас. Не оцениваем в полную меру.

У явления, предмета, человека, много качеств. Часто трудно вычленишь что-нибудь одно. И вдруг, при определённых обстоятельствах, резко выделяется какое-то одно качество, приблизится, и, как заслоняя собой в объективе, заставит оценить событие, либо человека, только с этой точки зрения, только с этих позиций.

Нужно, чтобы *все* качества были рассмотрены. А, может, не нужно? Чтобы виделось только главное? Только, что – *главное*? При разных условиях это может быть не одно и то же.

Толкутся мошками снежинки под мягким блеском фонарей.

Говорят, главное, – нужно заставить человека *думать*. А мне кажется, нужно, чтобы он *понимал*. А это можно только *думая*.

Горький говорил: не жалеть себя, самая гордая, самая красивая – мудрость на земле. Мудрость. В ней соединяются ум и опыт, понимание жизни.

«Человек» – это звучит гордо, я – человек. И два прямо противоположных мнения. Потребности растут, мне подай их удовлетворение!

Потребности есть у каждого человека. Только у одного – вкусно поесть, красиво одеться, – *вещность* потребностей, других нет. И мне – *дай!*

Для других тоже приятно удовлетворение таких потребностей, но – «Я – человек, я обязан сделать жизнь лучше». Не *мне* должны, – *я* – должен.

Воспоминания о прошлом особенно интересны тем, кто вспоминает, и современникам.

На что расходуются такие короткие часы нашей жизни? Если бы каждый день мы были также устремлены к достижению желаемой цели, как в годы войны...

Мне показалось – ушедшая юность, как увядающий цветок, вызывает грусть по уходящей красоте. Но её сменяет надежда на будущий урожай.

А ушедшую юность радуют дети, внуки...

Женщину часто сравнивают с цветком. Я бы сравнила себя с моей любимой ромашкой. Ромашка не сама красуется, она показывает: «Смотрите, как хорош мир вокруг нас! Берегите, цените его, и будьте счастливы!».

И я тоже – хочу всем – счастья...

Наши впечатления, ощущения, входят в нас, и становятся нашей частицей.

Зимой мне показывает приближение весны уличный фонарь. Он светит в окно и освещает стену дома, больше мне ничего не видно: дом стоит буквой «Г». Фонарь выключают на рассвете. В начале года прибавление светлого времени идёт медленно, потому он светит до девяти утра весь январь. А начиная с февраля, через каждую неделю, потом и чаще, фонарь гасят всё раньше – в 8-30 утра, в восемь часов...

Так я замечаю приближение весны, и – странно – просыпаюсь, когда тушат фонарь: зимой в десятом часу утра, постепенно всё раньше. Сегодня проснулась в половине седьмого, а фонарь уже не горит. Значит, скоро лето. На даче просыпаюсь вместе с солнышком.

Как тесно связаны мы с природой! Ощущаем время года даже вместе с уличным фонарём...

Пока человек удивляется, всматриваясь в окружающее, видит многое вокруг, – до тех пор он жив!

Настоящий человек, это тот, кого не портит слава. Настоящий друг – кого радуют успехи друзей, превосходящие его собственные.

Человек должен быть самим собой, иначе всё будет неестественно и плохо.

Жизнь – как бездомная собака – кусает тех, кто её боится (потому, что боится сама – кусает от страха).

Доверие – роскошь человеческого общения. Иногда может укусить. Но я предпочитаю жить в роскоши, пусть изредка и ошибаясь, – так человечнее и радостнее. И, конечно, сама говорю правду...

Если ты делаешь так, что смеются *вместе* с тобой, это хорошо. Но если смеются *над* тобой?

Доброта во мне (если это – доброта) от понимания того, что происходит в душах людей. А когда понимаешь, то видишь чаще всего, что обижаться не на что. Постарайся понять, что на душе у другого, и будешь добрым.

Свобода человеческой личности – это прекрасно до определённой степени. Свобода – это ведь нежелание сдерживать себя, нежелание уважать мнение другого человека, даже его выслушивать. Я уже сказала однажды, что свободу,

как пахотную землю, можно доверить тому, кто вырастет хлеб, но не ядовитое зелье.

Упиваясь словом свобода, мы совсем забыли про слово гражданин. Мне кажется, это очень важно. Думаю, отсюда многие негативы нашего сегодняшнего дня. Мы забыли, что: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Потеря чувства ответственности за то, что происходит в стране, – потеря гражданственности – опасна.

Главный биологический закон, задача, обязанность всего живого, от травинки до человека – оставить потомство, продлить Жизнь на Земле. Отсюда инстинкт – мужское начало стремится зародить жизнь, женское – её выводить, вырастить.

Потому в женщине так сильно материнское чувство, в каждой, до самых её последних дней. Потому самое большое счастье женщины – в её детях, внуках, правнуках. Если их нет, или они уже выросли, женщина заботится о том, кому нужна. Женщина прежде всего – *мать*.

Весеннее настроение

Когда распускаются почки деревьев, бывает холодно и неуютно. Кажется, через почки из деревьев выходит зимний холод и сонная лень.

У каждого месяца свой запах. Богат запахами цветов и свежей листвы – май, июнь – запахами скошенной травы. В жаркий июльский полдень на пустырях с земли поднимается горьковатое дыхание полыни и цветущей лебеды. Почему запахи марта так сильно тревожат?

Наверное, потому, что в нём – обещание, надежда... Все запахи цветущей весны, лета и осени собраны, спрессованы в солнечный запах марта.

Цветы... Впечатление от изящества лепестков усиливается сочетанием красок.

Зелёный цвет мы называем цветом надежды. Почему?

Вспоминаю. Чёрные после прошедшего дождя, тёмные стволы елей. Тепло, с земли поднимается пар. В лесу мрачно. Но впереди, отражая цвет берёзовой листвы на опушке – зелёный солнечный луч. Как луч надежды.

И ещё интересно – зелёный лист, хлорофилл, даёт нам жизнь и через кислород, и через питание.

Дожди

Апрельский дождь

Ещё не забыты февральская позёмка, ночные морозы и днём капли марта, кое-где лежат остатки снега, а на землю уже падают первые капли. Капли!

Дождь апреля лёг завесой, зиму отделил от лета. Первый посланец летних радостей, дождь прощания и обещания...

Первый весенний дождь смывает последний снег в ложбинках, падает на апрельские лужицы... Обещает скорое тепло, встречу с дорогими и близкими людьми, дачные радости, хороший урожай. Впереди, совсем близко – лето!

Лето

Первые капли веснушками легли на плиты террасы. Обещают начало дождя, или опять дразнят? С крыши террасы по ложбинкам шифера протянулись тонкие нити. Сначала прерывистые, когда дождь усилился, стали сплошными

Сетка дождя отделила окружающее, сделала одинокой. Только это одиночество не страшит, оно позволяет ещё раз прочувствовать своё единство с окружающим миром. – Знаю, за лёгкой водной стеной радуются дождю травы, цветы, деревья... После жарких сухих дней, это их жизнь, а, значит, и моя радость.

Осень

Теплый дождик в начале осени обещает успешную грибную охоту, манит в лес. Редкими каплями ложится на траву, опадающие листья. Запах дождя смешан с запахом грибов, прошлогодней листвы. Тишина и безлюдье...

В эти минуты вспоминаешь прошлое, думаешь о будущем, немножко грустишь. И не только о прошедшем лете...

Хорошо поздней осенью в тёплом доме слушать, как шумят по крыше потоки ливня, смотреть на них через оконное стекло. Иначе в открытом поле. Особенно, если дождь застал неожиданно и далеко от жилья...

Весна

Весной – синхронность процессов пробуждения природы, потому заметнее «бег времени». Летом – асинхронизация приводит к тому, что не замечается быстрота. Но при внимательном отношении к природе, летом это тоже можно почувствовать.

Хорошие стихи, как плеск и глоток прохладной воды в жаркий полдень – смывают с души пыль, и утоляют жажду.

Позёмка

Шестидесятые годы прошедшего столетия, январь. Несколько человек – специалисты факультета – «десант» – едем на конференцию в район. Два часа электричкой, потом на машине в одно из хозяйств, район проводит конференцию там.

Укатанная снежная дорога. Сегодня солнце, на морозе всё блестит, даже – воздух. А через дорогу ветер сметает вчерашний лёгкий снежок – позёмка.

Нас ждут в тёплом доме специалисты хозяйств – агрономы, председатели колхозов... Рассказываем про новинки агротехники, я договариваюсь о применении регуляторов весной в одном из хозяйств... Людмила Николаевна привезла с собой плакаты: показывает угрозу картофельным полям – колорадского жука.

Тогда жук только начал появляться в южных районах страны. Не верилось, что пройдёт совсем немного времени, и он станет главной бедой картофелеводов, особенно – дачников, пока учёные не разработают против него ядовитые вещества.

А в тот раз запомнилась наша поездка в Лискинский район: морозный день, солнце, блестящий воздух, и – позёмка...

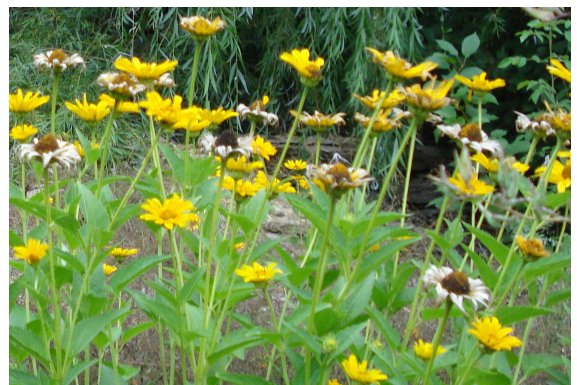
Разное

Всё село Пёски в садах, в середине села ложбинка – пруд. К нему спускаются сады. Урожайный год, яблоки падают с ветвей, скатываются в пруд, лежат на воде, как осенние листья.

Ещё не осень, по воде пруда ветер гонит не листья, – яблоки. Яблоки в ряске ветер согнал к противоположному берегу.

Тишина, лишь на той стороне слышен взмах косы, это мужчина косит камыши. Изредка прыгнет в воду лягушка. Щебечут птицы, издали слышно квохтанье курицы, ползут колорадские жуки. Солнце предосеннее...

Осенний букет полевых цветов – цветы невзрачные, и реже. Но, может, поэтому им больше рад (их находить приятнее), чем букет из июньской россыпи многоцветья.

Нужны требовательность и ласка, и свет звезды, пусть даже недостижимой. Тогда человек будет расти счастливым, и делать всех, кто рядом, – лучше и тоже счастливее.

Вся наша главная жизнь – в детях, внуках. И так тяжело видеть ошибки, нескладность в их жизни! Так хочется, чтобы они были счастливы настоящим счастьем!

25.09.1985 г. Очень хочется домой, к детям, к Мише! Особенно к Мише. И знаю, почему – я ему нужна. Как важно человеку быть *нужным*! Конечно, взрослым тоже нужна, но не так, как сейчас Мишане (фото 5). А подрастёт – тоже будет меньше потребность...

Мы с Мишей несколько лет живём в домике на Веневитино. Ходили недалеко в лес за земляникой, когда ему было ещё три года. Так мы учились считать. Идём и считаем шаги – раз, два, три... Сначала до десяти, потом стали считать до сотни. Последнее время уже ходим за молоком на Маклок. Счастливое время...

А я так привыкла при ходьбе считать, что и сейчас шаги считаю...

Конечно, мои Веневитинские сентябрьские дни всегда буду помнить. Здесь хорошо пишется, хорошо думается. Передо мной кусочек дерева – подставка для часов, мох, брусника на нём, – глаза отдыхают. И – странно, – может быть, душа тоже!

И лес хорош. Как близкий человек, – кругом всё просматривается, листья с кустов облетели и, кажется, всё уже известно, всё видел, всё знакомо.

Но начинаешь всматриваться, – там гриб под деревом, там – на болотце, а здесь спрятался под опавшей листвой. Будут ли завтра на этом месте? Так что изученность относительная...

Так и в человеке. Нужно всматриваться. Двойственность: хорошая видимость, просматриваемость (может, в основном?), и в то же время – таинственность, загадки... Лес их и не скрывает, – только нужно внимательно взглядеться.

Так же и люди, может быть?

Всегда я была несколько легкомысленной, что ли? Например, моя подруга Рита любила читать научно-популярные книги (фото 6), а я любила (и люблю) читать о лю-

Фото 5. Мы с Мишей на Веневитино. Июль 1987 г.

Фото 6. Вместе с моей закадычной подругой Ритой Лебедевой

дах, эмоциях. Балет, оперу могу смотреть и слушать много раз, наслаждаясь звучанием, красотой движений. И книгу могу читать много раз, сопереживая с героями. Но не всякую, ту, что близка мне по духу. Наверное, во мне больше эмоционального восприятия того, что рядом. Не знаю, хорошо это или плохо, но уж какая есть – поздно переделывать!

Только отсюда, наверное, мои лирические миниатюры

«Перестройка»

Началась горбачёвская «перестройка». Я стояла на остановке, ждала автобус. После холодной весны первый тёплый день, с запахом листьев. Сложились слова: «Пахнет майским дождём, – обещанием лета. Манит свежей листвой, и теплом, наконец. А с газетных листов манит нас «перестройка» – обещанием благ, обновленья сердец».

Как мы радовались обещанной перестройке, как надеялись на лучшее!

Большинство. И лишь некоторые проявляли скептицизм. К сожалению, они оказались правы. Даже больше, чем правы.

Итак, новоселье!

Два года мы жили девять человек в маленькой трёхкомнатной квартире, ожидали окончания строительства кооперативного дома. И вот, наконец, ключи в руках. Накапывает дождь, но мы переезжаем.

В этот раз совершенно особое чувство, особое ощущение... Здесь радость испытывала не только наша семья – в новый дом вселялись и другие новосёлы. Мы – одни из первых. В почти пустом доме вечером особенно гулкие шаги, чётко слышатся другие звуки...

С утра к дому подъезжают машины с домашним скарбом. Их разгружают радостные люди, всюду – счастливые лица! Праздник общий, для всех.

Несколько дней шло вселение. Радостное, приподнятое настроение продолжалось ещё довольно долго, но самые первые дни новоселья были особенными, и остались незабываемыми навсегда.

Мои вещи

Недавно задумалась над тем, что мы привязываемся не только к людям, но и к вещам, ко всему, что окружает. Вещей, сохранившихся с детства, у меня нет, всё взяла война. Сохранилась лишь память и сожаление о некоторых.

Жаль фисгармонии. Приятный звук, нежный. Бабушка, игравшая в тяжёлые годы на рояле перед сеансами немого кино, иногда, по просьбе знакомых, играла. Помню марш из оперы «Аида». Но, как на рояле, сильно ударяла по клавишам. Здесь надо слегка прикасаться пальцами, и одновременно перебирать ногами, раздувая меха.

Любила я и мои подружки, кресло-качалку. Особенно подружки, они с упоением раскачивались в кресле, за что бабушка ругала – качалка старая, соломённая сетка кое-где уже порвалась...

Ещё помнятся яйца. Два хрустальных яичка. Одно, величиной почти с куриное, синее, с нарисованными незабудками, привлекало меньше. Нравилось другое, нежно-зелёное, с яичко маленькой птички. Поверхность вырезана ромбиками. Если посмотреть через яичко на свет, увидишь многократное изображение, что нам, детям, очень нравилось.

Самые «древние» вещи в моей комнате. Когда вышла замуж, из мебели стоял только большой дубовый стол, диванчик, на котором спал Кронид, деревянная кровать свекрови. Больше мебели не было. Стол и диванчик сохранились с довоенного времени, когда они переехали в Воронеж из Минусинска в 1934 году. Для меня стол и диванчик, как частица прошлого. Непростого, но счастливого – я любила...

Теперь на диванчике сплю я (и не хочу менять), а стол стоит в головах, на нём компьютер, лампа, книги... (фото 7). На компьютере умею набирать текст, менять шрифт, остальное делают мои внуки. Они и научили азам пользования.

Фото 7. Среди своих родных и любимых вещей...

Ещё в моей комнате телевизор, шкаф-сервант с книгами и бумагами. На маленьком столике около окна плоски с цветами. Столик-парта дубовый, к нему – стульчик. Купила, когда Петя пошёл в школу.

Над диванчиком знаменитость – медвежья шкура, пришитая к индийской циновке (фото 8). Медведя-шатуну убили охотники, когда Кронид был на Севере, он купил шкуру.

Фото 8. За компьютером, на фоне медвежьей шкуры. Рядом – Мишин подарок: лампа-ночник

Для меня самое ценное в комнате – три картины акварелью, Петина работа (фото 9). И финиковая пальма, она уже достаёт до потолка. Её Петя вырастил из косточки.

Фото 9. Три картины акварелью – работы сына Пети

Ещё – лампа-ночник, дорогой мне Мишин подарок ко дню рождения несколько лет назад. Осколок древней соли, ей миллионы лет, обладает лечебными свойствами и очень красива.

Теперь иногда думаю – что останется, когда меня не будет? Вещи живут, пока жив человек, и сохраняется о нём память...

Что такое старость?

В первый раз задумалась об этом пять лет назад, когда мне исполнилось 80 лет. Большой срок жизни. И не верится, что он уже пришёл. Как я его ощущаю? Недомогания? Конечно, есть. Только я к ним привыкла. Болезнь суставов началась, когда мне было 34 года. С тех пор болезнь то отходила, то возвращалась, совсем забывать себя не позволяла. Отсюда же маловато сил...

Но когда лежишь, особенно утром, после сна, – своего возраста не замечаешь. Кажется, силы всё те же. Не замечаешь возраста не только по утрам, – всегда. Всё та же реакция на окружающее, людей, события домашние и происходящие в стране. Также радуется солнце, тепло, цветы, каждая травинка. Также беспокоишься за близких, хотя не подаёшь вида...

Говорят, со временем человек меняется, (помните, Шульженко пела: «Я уж давным давно не та...»). Я не замечаю этого за собой. Может, только стала менее требовательна к себе и людям. И более внимательна к ним. Меня больше радует малейшее проявление доброты, участия друг к другу. Всё *уже* круг тех, кто рядом. Многих нет, ушли...

Зато появились новые знакомые, друзья, радуют. К некоторым – особое чувство – почти преклонение. И вместе с тем, чувство равенства, в понимании жизни, событий в стране, мире... Это не от старости, просто такие люди мне раньше не встречались. И неудивительно – таких мало, очень мало. Они не безупречны, но их недостатки человечны. Быть хорошим в тепличных условиях, или, по крайней мере, близким к ним, это – одно. Но, когда жизнь трепала, ставила перед жестоким выбором, – всё же остаться *человеком* – нечто иное...

О людях, особенно о близких мне людях, надо говорить отдельно, что постараюсь сделать позже (если они разрешат).

Только не могу не сказать несколько слов о моём правнуке – Галином сыне, я о нём ещё не говорила. Родился Санечка 12 октября 2010 года, сейчас ему уже полтора года. Очень добрый, ласковый мальчик, смыслённый. К особенностям надо отнести улыбку – она у него с самого рождения. Спал, лежал с закрытыми глазами, и улыбался. Как хочется пожелать ему счастливой жизни, благополучия! Не знаю, как долго смогу наблюдать за его жизнью, конечно, хочется подольше.

Сил у меня меньше, но по-прежнему могу радоваться, грустить, огорчаться, даже негодовать, и не раздражаться по разным поводам. Наверное, потому у меня ещё нет брюзжания, присущего старости. Правда, бывает покряхтывание, охание – при напряжении замечаю за собой иногда эти звуки.

И, пожалуй, мне чаще стала сверкать неожиданная радость – от блеска солнечного луча, неспешных снежинок за окном, даже от тёплой струи воды над ещё невымытыми тарелками в раковине. Люблю мыть посуду, особенно миски, чашки, горячей водой с *Фэри*, и с удовольствием чищу картошку, тоже под тонкой струёй воды.

На днях подумала: наши ощущения, чувства, похожи на звучание органа, что я слышала в старом соборе в Галле. В одно и то же время во мне и боль, горечь потерь, беспокойство за каждого из близких. И в то же время – радость жизни – радость бытия!

И появилось ощущение не старости, а – знание возраста: стала замечать за собой соотношения происходящих событий в будущем, и себя. Например, когда идёт речь о прохождении в Сочи олимпиады 2014 года, думаю, что она может пройти уже без меня. И нет грусти. Только хочется ещё успеть многое сказать. Многие из того, что и самой ещё не совсем понятно. В устройстве мира... Нет, не так – мне почти понятно. Но пока не умею выразить, не подберу слов, точно отражающих представление о жизни. Многие хорошо известно.

Всё сущее, – от невидимой простым глазом бациллы, до гигантской по размерам, секвойи, и по разуму – человеком, – необходимы.

Каждый на своём месте выполняет присущую ему обязанность. Всё взаимосвязано и взаимозависимо, хотя многие связи нам непонятны, – трудно проследить цепочку взаимностей. Человек, к счастью, завёл Красную книгу для растений и животных. Жизнь – как громадное высотное здание. Убери маленький кирпичик, одну песчинку во взаимодействии, взаимосвязи на нашей Планете, и, как знать, через сколько времени это скажется пагубно на всех нас, живущих ныне, – как скоро?

Когда начинаешь задумываться об этом, обо всей взаимосвязи живых существ и неживой природы, становится жутковато. Похоже на то, как смотришь в бездонную темноту меж звёздами поздней безлунной ночью...

Как важно не нарушить взаимодействие, пригнанность между собой всего существующего и окружающего, в том числе – космоса. Человек ещё не понимает всех связей на Земле. Отсюда, и торнадо, и наводнения в таких масштабах, и всё другое... Наше могущество призрачно и временно. В своей гордыне мы забываем об этом, а – зря!

К счастью, в организации Жизни, в том числе, и в нашем организме, много сил, противостоящих нарушениям на разных уровнях, начиная от тех, что внутри клетки.

Закончить свои отрывочные, сумбурные воспоминания, хочу благодарностью всем родным, друзьям и знакомым. Они позволяют мне по-прежнему радоваться жизни, не так остро чувствовать свою слабость.

Многое я получила от университета, его коллег, ауры. Много лет это был мой второй дом, в котором проводила жизнь вне семьи, с которым чувствую близость и сейчас. Хочу завершить словами благодарности, которые сказала много лет назад. Они относятся к тем, кто и сегодня трудится в университете. Уверена, эту благодарность испытывают все поколения выпускников. Может, не всем понравятся некоторые слова, но считаю, нельзя забывать историю. Наша жизнь была несовершенной, но – честной. И университет вправе ею гордиться.

Юбилей университета!

ВГУ. Три буквы стоят рядом. Буквы простые и ёмкие – символы! Буквы, от которых сильнее бьётся сердце.

Университет! В день твоего юбилея мы, твои ученики разных поколений, благодарим тебя за то, что ты даёшь не только знания. Ты учишь быть требовательными и добрыми, не щадить себя, учишь быть человеком и гражданином.

Твой орден и твоё имя, как символы единения мудрости и молодости, – самый дорогой сплав. Мы гордимся тобой и верим в твой дальнейший расцвет, наш Воронежский ордена Ленина государственный университет имени Ленинского комсомола.

Фото 9. Воронежский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	4
Эфремов Э.П.	5
Отрывочные воспоминания разных лет	6
Самые первые воспоминания	6
<i>День в детском саду</i>	6
<i>Впервые</i>	7
«Только – Наташа»	7
<i>Не по статусу</i>	7
Вспоминая войну	8
<i>Память войны</i>	9
<i>Пиршество</i>	9
Ветер Кубани	10
В заводской столовой	10
<i>Мойщица посуды</i>	10
<i>Кассир-калькулятор</i>	11
<i>Недостача</i>	12
<i>Беседа с генералом</i>	12
<i>Дорогой подарок</i>	13
<i>Время не вернуть</i>	13
В ботаническом саду	14
<i>Память земли</i>	14
<i>Война – Миру</i>	14
<i>В часы пик</i>	14
<i>Жизнь заставила</i>	15
Мягкие иголки	15
Из услышанного в транспорте	16
Быть готовым	17
Смотреть и удивляться	17
Короткие мысли	20
Весеннее настроение	23
Дожди	24
Позёмка	25
Разное	25
«Перестройка»	27
Итак, – новоселье!	27
Мои вещи	27
Что такое – старость?	30
Юбилей университета!	32